

Хорст Мёллер

Артур Кёстлер: Слепящая тьма

Главный герой романа «Слепящая тьма» Рубашов «неподвижно смотрел сквозь оконную решетку на голубые полоски неба над пулеметной вышкой. Когда он теперь оглядывался на свое прошлое, ему казалось, что все эти сорок лет были безумием – одержимостью здравым смыслом. (...) Голубые полоски порозовели, близился вечер. Над вышкой кружила стая темных птиц, медленно и плавно взмахивавших крыльями. Нет, задача не находила решения. Недостаточно направить взгляд толпы на некоторую цель и дать ей в руки нож, толпа не привыкла орудовать ножами».¹ Это было вечером того дня, когда Рубашова, бывшего народного комиссара и старого революционера, расстреляли в тюремном подвале московской Лубянки выстрелом в затылок во исполнение приговора, вынесенного на показательном процессе.

Кто был автором этого романа, какую цель он преследовал, в какой степени книга отражала реальность?

I.

Жизненный путь самого Артура Кёстлера² мог бы послужить материалом для романа, который мы вправе охарактеризовать как политический «роман воспитания» 20-го столетия, «столетия крайностей» (Эрик Хобсбаум).

Кёстлер родился в 1905 г. в Будапеште в австро-венгерской еврейской купеческой семье. Его детство и юношество прошли в Будапеште и Вене, где он учился в политехническом университете. Незадолго до окончания вуза Кёстлер бросил учебу и в 1926 г. как убежденный сионист уехал в Палестину. С 1927 г. он работал корреспондентом для берлинского издательства Ульштайн сначала в Иерусалиме, а с 1929 г. – в Париже. В конечном итоге Кёстлер стал членом редакции

¹ Цитаты в русском переводе приведены по следующему изданию: *Koestler A. Слепящая тьма*. М., 1989. Поскольку автор главным образом ограничивается ссылками на цитаты из романа, все последующие указания на страницы приводятся в тексте в скобках. Цитируемые отрывки из немецкого текста даны в собственном переводе редакции из немецкого оригинала *Koestler A. Sonnenfinsternis. – Прим. ред.* Здесь: Цит. по: *Koestler A. Die Gladiatoren. Sonnenfinsternis. Ein Mann springt in die Tiefe*. Bern; Stuttgart; Wien, 1960. S. 501.

² См. в целом: *Hamilton I. Koestler: A Biography*. London, 1982; *Cesarani D. Arthur Koestler: The Homeless Mind*. London, 1998; *Buckard C. Arthur Koestler: Ein extremes Leben 1905–1983*. München, 2004.

онной коллегии либеральной берлинской газеты «Фоссише Цайтунг». В 1931 г. Кёстлер вступил в ряды КПГ: отчасти потому, что коммунизм «оказался единственной альтернативой национал-социализму, отчасти потому, что я, также как и Бrecht, Мальро, Оден, Шоу, Дос Пассос и другие писатели моего поколения, был очарован утопическими чарами Советского Союза».³ В 1932–1933 гг. Кёстлер жил в Советском Союзе, задавшись целью написать книгу о пятилетке, а после этого – в Париже и Цюрихе. И хотя «московская командировка» несколько отрезвила Кёстлера, она же перед лицом прихода национал-социалистов к власти на некоторое время снова укрепила его коммунистические убеждения – такой же идеологический курбет переживет герой его романа Рубашов.

В 1936–1937 гг. Кёстлер работал корреспондентом либеральной британской газеты «Ньюс Кроникл», для которой он писал репортажи о Гражданской войне в Испании. В конце концов Кёстлер был арестован франкистами, приговорен к смерти и провел четыре месяца в камере смертников в Малаге. Британцам удалось добиться его обмена, он снова вернулся в Париж, в 1938 г. вышел из КПГ, а в 1940 г. бежал от гестапо в Лондон, стал британским военным корреспондентом и получил британский паспорт.

Артур Кёстлер написал десятки произведений: автобиографические книги, романы, а в более поздние годы – преимущественно научно-популярные, антропологические и психологические труды. В 1983 г. он, столько раз испытавший смертельную опасность, покончил в Лондоне жизнь самоубийством. В прощальном письме Кёстлер писал: «Причины моего решения о самоубийстве столь же просты, как и неотвратимы: болезнь Паркинсона и медленно убивающая меня форма лейкемии (С.С.Л.)».⁴

«А где же товарищ Киров?», – коммунист Кёстлер мог бы также задаться этим вопросом после убийства Сергея Кирова в 1934 г., которое так никогда полностью не было раскрыто. Хотя Кёстлер в течение семи лет был членом КПГ и работал для партии под руководством Вилли Мюнценберга, его разочарование в коммунизме началось уже в «год убийства Кирова, первых чисток, первых волн террора, которым предстояло забрать с собой множество моих товарищей. Во время этого кризиса я начал писать „Гладиаторов“, историю другой революции, окончившейся неудачей» (С. 693).

Первые достоверные сведения о московских показательных процессах Кёстлер получил от Евы Вайсберг, с которой он дружил много лет. После 18-ти месячного изнурительного заключения на Лубянке и попытки самоубийства она была отпущена на свободу благодаря настойчивости, проявленной дипломатами, а также потому, что провалилась попытка следствия выставить ее на «бухаринском» процессе в качестве свидетеля и раскаявшейся грешницы. Кёстлер и Ева Вайсберг обменялись своим тюремным опытом, выстраданным в фашистском и в коммунистическом застенках, что потом помогло Кетлеру при написании «Слепящей тьмы». В тюрьме в СССР еще оставался сидеть муж Евы Вайсберг, физик по профессии, для освобождения которого Кёстлер инициировал

³ Koestler A. Sonnenfinsternis. S. 693 (послесловие автора).

⁴ Цит. по: Buckard C. Arthur Koestler. S. 347.

письмо к Иосифу Сталину, подписанное тремя французскими Нобелевскими лауреатами по физике, а также Альбертом Эйнштейном. Им удалось добиться освобождения Алекса Вайсберга, но особая подлость НКВД состояла в том, что его в 1940 г. передали в руки гестапо. Впрочем, Вайсбергу удалось пережить и это.⁵

II.

Действительно ли в случае со «Слепящей тьмой»⁶ речь идет о романе? В каком жанре написана книга? «Я родился в тот момент, когда над столетием разума закатилось солнце», – так написал Артур Кёстлер в 1952 г. в автобиографии „Arrow in the Blue“. Век разума был веком просвещения, полагавшим, что именно метафора света наиболее точно отражает его внутреннюю сущность. На знаменитой гравюре Даниэля Ходовецкого изображен восход солнца – просвещение толковалось как процесс. Иммануил Кант считал Французскую революцию «утренней зарей человечества», его началом, а не концом. В «Слепящей тьме» Французская революция также фигурирует как «голубое небо свободы» (С. 427). Солнечный закат также затягивается, но есть ли будущее у солнечного затмения? Или оно знаменует собой конец просвещенной веры в прогресс, или, по крайней мере, конец убежденности в силах прогресса, конец политической утопии, как это описал Эрнст Блох в последней главе своего «Принципа надежды» (1959)?⁷

Как бы то ни было, в случае с романом Артура Кёстлера, написанным между 1938 и 1940 гг., речь идет о первом основополагающем документе, описывающем интеллектуальное отрезвление коммуниста, измерившего аргументацию, теорию и практику коммунизма своим собственным мерилом и запустившего процесс, который продлился до распада Советского Союза в 1991 г. и пережил ряд различных кульминаций, поскольку, по меньшей мере, до подавления Венгерского восстания 1956 г. и даже до Пражской весны 1968 г. среди интеллектуалов имелось множество защитников коммунистического правления, не желавших воспринимать описанную Кёстлером действительность, в том числе

⁵ Koestler A. Sonnenfinsternis // Koestler A. Als Zeuge der Zeit: Das Abenteuer meines Lebens. 3. Aufl. Bern u. a., 1983. S. 373–390.

⁶ Для лучшего понимания дальнейших рассуждений и игры понятий у Х. Мёллера необходимо учитывать, что на немецком языке роман А. Кёстлера называется «Sonnenfinsternis» – «Затмение солнца», а на английском – «Darkness at Noon» – «Полуденная тьма» (или «Мрак в полдень»). Устоявшееся в русском варианте название романа «Слепящая тьма» было дано в переводе А. Кистяковского. – Прим. пер.

⁷ Об увлеченности писателей коммунизмом все еще достойна внимания работа Юргена Рюле. См.: Rühle Jü. Literatur und Revolution: Die Schriftsteller und der Kommunismus in der Epoche Lenins und Stalins. Frankfurt a. M.; Olten; Wien, 1983. Новое, исправленное и дополненное издание, вышедшее в свет в 1987 г., включает в себя содержательное предисловие Манеса Шпербера. Из последней литературы стоит назвать: Oberloskamp E. Fremde neue Welten: Reisen deutscher und französischer Linkssintellektueller in die Sowjetunion 1917–1939. München, 2011.

выдающийся французский философ Морис Мерло-Понти со своим произведением „Humanisme et terreur“ (1947, немецкое издание 1966).

Уже в классическом парижском интеллектуальном романе Симоны де Бовуар «Мандарины» („Les Mandarins“, 1954) центральной темой произведения стали бурные споры об истинной сущности коммунизма между Жан-Полем-Сартром с одной стороны и Альбера Камю и Артуром Кёстлером – с другой, хотя они и выведены под другими именами. Антиутопия Джорджа Оруэлла «1984» (1949) также была написана под влиянием книги Кёстлера, равно как и произведения его друга, Манеса Шпербера (также, как и Оруэлл, порвавшего с коммунизмом), прежде всего трилогия «Как слеза в океане» (1950–1951) и «До того, как на глаза мне положат черепки»⁸ (1977). Этот ряд можно продолжать дальше, он включает в себя в том числе классическое произведение Вольфганга Леонгарда «Революция отвергает своих детей» („Die Revolution entläßt ihre Kinder“, 1955) и ведет через хрущевское разоблачение Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. до «Конца одной иллюзии. Коммунизм в 20 столетии» (1995) Франсуа Фюре и «Черной книги коммунизма» (1997), изданной Стефаном Курту.

Особую роль в этом жанре играет испано-французский писатель Хорхе Семпрун: он эмигрировал после победы Франко из Испании во Францию и принял активное участие во французском движении Сопротивления немецким оккупантам, был арестован и депортирован в концентрационный лагерь Бухенвальд, пока в 1945 г. его не освободили американцы. Долгое время после войны Семпрун был членом Политбюро Испанской компартии, действуя как в подполье в Испании, так и за рубежом. В 1964 г. он был исключен из компартии, после падения Франко Семпрун некоторое время занимал пост испанского министра культуры. В своей книге «Что за прелест день воскресный!» („Quel beau dimanche!“, 1980) он выступил с остройшей философской критикой коммунизма, сравнив гитлеровский режим и лагерную систему национал-социализма со сталинизмом. Это удалось ему во многом благодаря собственному лагерному опыту в Бухенвальде, а также поездкам в Советский Союз и знакомству с другими коммунистическими диктатурами. Большое воздействие на Семпруна оказал также «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына (1962). Критика Семпруна приобрела особую остроту также потому, что он продемонстрировал границы десталинизации, заданные XX съездом КПСС в 1956 г., и подверг коммунизм принципиальному анализу. Тексты Кёстлера и Семпруна родственны, несмотря на значительную разницу в манере изложения, а также на то, что что их разделяет более чем одно поколение и Семпрун не упоминает Кёстлера. Они оба не ограничиваются лишь описанием событий, но толкуют их социологически, философски, с точки зрения структуры режима, а также в контексте анализа функциональных элит диктатур, идеологически легитимирующих самих себя. В конечном итоге в случае с обоими произведениями речь идет о рефлексии персонального познания диалектики (утопической) теории и (политической) практики, отлитой отчасти в форме романа. Другими словами, эти книги

⁸ Название романа происходит от еврейского обычая, согласно которому принято умершему закрывать глаза черепками разбитой посуды. – *Прим. пер.*

представляют собой специфический жанр интеллектуального противостояния с потерпевшей крах надеждой на светлое будущее, с «Диалектикой просвещения», как охарактеризовали ее Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в американском изгнании в 1944 г. Легковесная оценка этих произведений как «литературы ренегатов» игнорирует фактическую причину, побудившую их авторов взяться за перо, а именно экзистенциальное потрясение в результате столкновения с реальностью коммунистического господства.

Что же делает роман Кёстлера, переведенный на 31 язык и изданный только на французском тиражом более полумиллиона экземпляров, по-прежнему заслуживающим прочтения, хотя сегодня мы обладаем фактическим знанием о показательных сталинских процессах 1937–1938 гг. и, по меньшей мере, о 685 тысячах жертвах, погибших в годы Большого террора? В чем заключается уникальность этого произведения?

Роман Кёстлера наглядно отражает механизмы тоталитарного мышления, которые, несмотря на ссылку на всесилье разума, обнажают всю антипросвещенную суть коммунизма, поместив на место постулата Канта о моральном самопознании партию – партию, которая всегда права, даже если она все время передергивает карты, вступает в союз с классовым врагом или становится с 1939 г. по 1941 г. союзником национал-социалистической Германии. Кёстлер показывает, как разделение стратегии и тактики, со ссылкой на надындивидуальную логику истории, ведет в результате к убийственным последствиям. Но прежде всего «Слепящая тьма» демонстрирует врожденную дефективность коммунистической идеологии. Этот нелицеприятный анализ больше не дает возможности отделить тоталитарную реальность от марксистско-ленинской теории, напротив, он показывает, почему и в какой мере преступная практика является логическим следствием теории, то есть преступление выступает здесь не исключением, а неизбежным правилом.

Идет ли здесь речь о немецко-русской теме? Да, и о ней тоже, но не только о ней, поскольку национальность Кёстлера и его жизненный путь можно обозначить только как национальность и жизненный путь европейца. На самом деле книга Кёстлера вызвала острый диспут среди европейских левых интеллектуалов, поскольку на нее было не так-то просто навесить ярлыки, ведь ее автор совсем не был реакционером, а также ренегатом, напротив, он был коммунистом, которого реальный опыт вынудил к болезненному расставанию со своими прежними убеждениями. В 1950 г. на знаменитом «Конгрессе за культурную свободу» в Берлине Кёстлер, этот, по выражению Фюре, «переливчатый представитель богемы», сыграл ключевую роль в фундаментальной критике коммунизма, а также в том, что европейская интеллектуальная элита сделала свой выбор в пользу либеральной демократии.

Книга «Слепящая тьма» стала источником как вертикального, так и горизонтального транснационального влияния в области анализа теории и практики коммунистического господства. И хотя книга состоялась как литературное произведение, говорить о ней как о романе можно только в определенных границах.

Скорее, как писал позднее сам Кёстлер, «все эпизоды и события в этом романе являются <...> стилизованной версией фактических событий» (С. 700).

III.

За что же в итоге выступает Рубашов, какую роль воплощает он в «Слепящей тьме», как выстроен роман? В этом произведении Кёстлера только несколько персонажей наделены индивидуальными чертами, сделано это намеренно, исходя из подоплеки осознанной формализации и бюрократизации революции. Так, Сталин ни разу не упоминается по имени, он всегда выступает в книге как «Первый» или «вождь партии». Ленин также фигурирует как «старый вождь» или «Старик», а структуры карательной бюрократии являются сильно формализованными как механизмы хотя и варварского, но логичного в своей сути процесса удержания власти аппаратом и «Первым», которые сами, однако, больше не несут содержательного послания. Безжизненный холод тюремы символизирует абстрактную логику идеологии, а в аскетической комнате для допросов Рубашова поначалу охватывают и вовсе родственные чувства.

Николай Залманович Рубашов – бывший народный комиссар, бывший член Центрального комитета партии, бывший командир Второй бригады Народной Армии, кавалер ордена Революции, старый революционер, хорошо лично знакомый с «Первым», бывший глава торговой миссии в Б., а также бывший руководитель одной из отраслей промышленности. Своему герою Кёстлер придал черты как Льва Троцкого, так и Николая Бухарина и Карла Радека. Двоих последних он знал лично, а показательный процесс над Бухариным и его ликвидация в 1938 г. сыграли ключевую роль для сюжета романа. Рубашов в конечном итоге тоже был обвинен в подготовке заговора с целью убийства «Первого». Кроме того, он якобы готовил вместе с враждебными зарубежными силами свержение власти трудящихся и организовывал акты саботажа с целью ослабления страны победившей революции. В ходе двух судебных процессов Рубашов дал ложные показания, которые в числе прочих погубили его бывшую секретаршу и любовницу, толстушку Арлову. Рубашов якобы уже давно не только лично вынашивал подрывные оппозиционные идеи, но и организовал оппозиционные группы. Всего обвинение вменяло ему семь преступлений.

Сюжет романа разворачивается на двух уровнях. Главный уровень образуют недели, проведенные Рубашовым в тюремном заключении, побочный – воспоминания отдельных эпизодов его жизни, прежде всего тех, в которых Рубашов сам выступал в роли не знавшего пощады революционного аппарачика на службе у Коминтерна, ломавшего жизни своих товарищей. Так, инспектируя подпольную деятельность молодого немецкого рабочего и коммуниста Рихарда, направленную против национал-социалистического режима, Рубашов обвинил его в уклонении от линии партии. На самом деле единственное преступление Рихарда заключалось в том, что он имел смелость отстаивать свое собственное мнение, поэтому директивы из страны победившей революции он выполнял не буквально. В итоге Рихард остался без защиты Коминтерна и был лишен до-

ступа к его убежищам, что и стало, предположительно, причиной его ареста сотрудниками гестапо.

С этого времени Рубашова снова и снова преследовало все одно и то же видение: во время встречи с Рихардом в одном из дрезденских музеев, позади Рихарда возник нечеткий образ Пиеты. Когда Рубашов был главой торговой миссии в Б., в одном из портовых городов, предположительно бельгийском, задание партии свело его с местным функционером Коминтерна и главой партийной ячейки докеров, «малюткой» Леви, который также отважился настаивать на собственном мнении. По инициативе Рубашова Леви исключили из партии, и он повесился. Арловой, секретарше Рубашова, партийное руководство подстроило ловушку, её отозвали из Б. в Москву и там арестовали. Рубашов, на которого оказывали давление, кривя душой, чтобы спасти себя, дает показания против Арловой, и ее казнят. Он оправдывается сам перед собой, пытаясь защититься от мук совести логикой революции, согласно которой революционный лидер обязан беречь собственную жизнь для системы, а цена может быть любой, в том числе и жизнь невинных людей.

В тюрьме Рубашов постигает, насколько последовательны и точны методы и техника допросов НКВД, которые отнюдь не чужды ему, общается с заключенными из соседних камер с помощью перестукивания и все больше сомневается в смысле своей сорокалетней революционной деятельности. Тем не менее он по-прежнему остается верен логическим постулатам и базирующейся на них практике коммунистической диктатуры.

Следствие в отношении Рубашова ведут два следователя, которые ему знакомы и символизируют собой смену поколений в аппарате. Место старых революционеров, которые знали «Старика» Ленина и к коим также принадлежал Рубашов, занимает поколение холодных, бесчувственных, необразованных, лишенных чувства юмора аппаратчиков, не ведающих меланхолии и чуждых интеллектуальной фривольности, трезвая логика которых исключает любую форму своееволия и независимого мышления по отношению к «Первому».

Рубашов сначала полон решимости не давать признательные показания, но потом первому следователю Иванову удается постепенно переубедить его. Иванов – старый друг Рубашова и такой же профессиональный революционер первого призыва. Он циничен, ироничен, острый диалектик в вопросах отправления власти, однако Рубашов с полным основанием не доверяет ему полностью. Иванов четко дает понять Рубашову: если после признания им своей вины дело дойдет до судебного процесса, на котором он, Иванов, будет представлять обвинение, возможно, ему удастся спасти Рубашова. В противном случае будет применено «административное решение» без суда и следствия. Говоря открытым текстом, Рубашова без проволочек убьют выстрелом в затылок. Впрочем, Иванов поясняет своему старому товарищу: мы всегда добиваемся любого признания, которого мы хотим (С. 370).

Психологически мастерски, в то же время проявляя человеческое сочувствие, Иванов дает Рубашову две недели на раздумье, улучшает условия содержания в камере, а во время одного из посещений рубашовской камеры роняет несколько циничных замечаний в адрес большевистской системы. Так образуется тан-

дем двух близко знакомых, однако не доверяющих друг другу старых большевиков. Их диалоги аргумент за аргументом развиваются логическую, этическую и политическую дилемму для Рубашова, который хотя и не совершал ни одного инкриминируемого ему преступления, но постоянно испытывает интеллектуальное искушение критически поразмышлять о развитии коммунистической системы, поставить под вопрос ее предпосылки и вскрыть ее тупиковость. Однако система уже давно открыла для себя этот фундаментальный грех «мыслепреступления», и поэтому смертельный приговор «уклонистам» выносился не за дело, а за мысль – в условиях диктатуры даже мысли находятся под запретом.

Рубашов это знает, и Иванов напоминает ему вновь и вновь о его прошлой конформистской деятельности на службе партии: давай, ты же знаешь правила, ты ведь сам поступал в их духе, на моем месте ты бы действовал точно так же. Давай покончим с этим кукольным фарсом. Однако за Ивановым, как и за Рубашовым, когда тот еще был одним из партийных функционеров, ведется слежка. Все следят за всеми. Заместитель Рубашова и его конкурент, следователь Глеткин, который в то же время боится, что Иванов пожертвует им, определенно интригует против своего начальника: еще во время следствия Иванова постигает та же судьба, что и Рубашова, его арестовывают и казнят даже раньше, применив для этого быстротечный «административный метод».

Рубашова возмущает жестокая примитивность «Первого» и Глеткина, но и его в ходе беспрерывных многодневных допросов, на которых ему не дают спать под слепящим светом лампы, лишает воли к сопротивлению «корректная брутальность» Глеткина. Если он теряет сознание, его допрашивают вновь после короткой паузы. Рубашов признает все преступления, которые он на самом деле не совершал, за исключением обвинения в промышленном саботаже, которое следствие в итоге снимает. В ходе допросов Рубашов сначала вскрывает отдельные логические противоречия в цепи доказательств, но уже под конец ему не хватает на это силы. Так называемая «теория признания Рубашова» приводит следствие к успеху без применения непосредственного физического воздействия, в то время как других заключенных перед ликвидацией пытают, о чем сообщается как бы между прочим и без эмоций. Во время допросов Рубашов видит на стене за спиной следователя слово, которое предзначено – белое пятно. Еще совсем недавно на этом месте висела картина, изображавшая всех знаменитых старых революционеров, в том числе самого Рубашова. Теперь запечатленные на картине люди были осуждены на показательных процессах и их имена преданы забвению. Рубашов почти не в силах отвести глаза от белого пятна, рядом с которым висит единственный оставшийся портрет – портрет «Первого».

В конце вереницы допросов, когда Рубашов хочет только одного – спать, Глеткин заявляет ему, что он может сослужить партии последнюю службу. Рубашов должен на процессе дополнить свои покаянные признания острой самокритикой и просить партию о прощении, что послужит делу устрашения всех оппозиционеров, оставшихся в ее рядах. В этом случае позднее, уже после окончательной победы социализма, Рубашова ждет воздаяние – конечно же посмертное, после того, как секретные документы будут опубликованы и инсценировка процесса станет явной.

Прежде чем его расстреляют в тюремном подвале, Рубашов оказывает партии эту ожидаемую от него услугу, покорно обвиняя себя самого в зале суда и чувствуя открытую враждебность публики. Вплоть до самого трагического конца Рубашов действует последовательно в духе партийной линии и далеко непоследовательно – в отношении своей собственной критической рефлексии: коллектив одерживает верх над индивидуумом.

IV.

Как бы ни были важны для нашего анализа методы допросов, гораздо большее значение имеет интеллектуальная борьба Рубашова с его собственной верой в революцию, сомнение, которое подтасчивает ее, пробивая себе дорогу в диалогах и в рассыпанных по тексту выдержках из его тюремного дневника, а также постоянные рецидивы возврата Рубашова к старым убеждениям.

Для Рубашова речь идет даже не столько о примечательной для 1938 г. констатации перевеса преступлений коммунизма коммунизма, когда он с горечью защищается против логической дедукции и конечных выводов следователя Иванова: «А мы (...) последовательны. – Верно, – согласился Рубашов. – Настолько последовательны, что во имя справедливого раздела земли всего за один год заставили подохнуть от голода пять миллионов крестьян вместе с семьями. Настолько последовательны, что освобождая человечество от оков наемного труда, заслали около десяти миллионов человек на каторжные работы в Заполярье и в непроходимые леса – в условия, которые сравнимы с жизнью античных галерных рабов» (С. 422).

И даже замечание (отсылающее нас к т. н. спору историков 1986 г.) о том, что все контрреволюционные и реакционные диктатуры Европы являются лишь слабой копией большевистской системы, высказанное еще до начала войны и следовательно, без ее учета, не занимает центральное место в аргументации Рубашова. Ее суть заключается прежде всего в фундаментальной критике утверждения «цель оправдывает средства» и обсуждении «ключевой проблемы: насилие на службе идеала» (С. 694).

Кёстлер проницательно анализирует в своем документальном романе (за шестьдесят лет до того, как Хрущев предложил свою, хотя и весьма ограниченную, интерпретацию сталинского воплощения марксизма-ленинизма) психологию революционера-коммуниста, а также механизмы ложной, только кажущейся логичной партийной дисциплины, для которой псевдозаконные показательные процессы были лишь средством террора.

Кёстлер демонстрирует, в какой мере коммунистическая диктатура вождя является ничем иным, как чистой властью, освобожденной от любой содергательной ориентации. Эта власть ссылается на железную логику истории и ее якобы объективные законы, но на самом деле бессовестно служит только своей номенклатуре – при условии, что та выживет. В то же время Кёстлер не менее убедительно показывает, в какой малой степени даже такому ведущему революционеру как Рубашов, удалось освободиться от этого самообмана: он прозревает, но

настоящий разрыв с коммунизмом означал бы, что сорок лет его существования были лишены смысла. Поэтому Рубашов запрещает себе такую якобы ложную «человеческую сентиментальность» как признание человеческих и гражданских прав или прав личности перед лицом тоталитарного коллектива. Все снова и снова Кёстлер проводит аналогию между коммунистической системой и церковью, обладающей монополией на спасение, где коммунистическая идеология выступает как политическая религия. Произведение Кёстлера является собой пример глубокого социологического анализа правящих элит тоталитарной диктатуры и механизма ее идеологического самооправдания.

«Первый», как осознал Рубашов, есть не «единичный случай разложения, но воплощение общей тенденции – абсолютной уверенности в собственной непогрешимости, порождавшей полное отсутствие угрызений совести» (С. 457).

«Цель оправдывает средства» (С. 486): этот основной принцип тоталитарных диктатур обеспечивает их акторам спокойную совесть, несмотря на все совершенные преступления, и ведет к обезличиванию индивидуума коллективом по принципу: «Ты – ничто, партия все». Эта максима обосновывает слепую покорность отдельного человека и дает возможность абстрактной логике осуществить псевдолегитимное обоснование практики своего господства, в рамках которого организованный криминал замещает место правового государства и очерняет его как «человеколюбивую болтовню». Пафос свободы и светлого будущего революции, пришедшей к власти, оборачивается тотальной несвободой. При этом абстракция идеалов сохраняется, в то время как на практике они ликвидируются. В этом отношении Рубашов поступает последовательно, когда признает себя виновным в том, что «интересы отдельного человека поставил выше интересов человечества» (С. 446).

«Слепящая тьма», рукопись которой на немецком пропала во время бегства Кёстлера в Великобританию, была опубликована в 1940 г. сначала на английском языке. Почему же политические деятели Запада не знали тогда, с кем они имеют дело, заключая договоренности со Сталиным? Почему прошло еще пятьдесят лет, прежде чем знание Кёстлера и выводы Кёстлера стали общим местом во всех европейских обществах? Почему многочисленные европейские интеллектуалы утратили свои иллюзии только спустя десятилетия после того, как пришедший к власти коммунизм давно уже утратил свою невинность, что лучше всего было отражено в литературе Артуром Кёстлером.